

А. А. Джагарян¹**ПРАВО, ДИАЛОГ И СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Международные Лихачевские научные чтения за время своего существования стали традиционным и авторитетным публичным форумом, в рамках которого ведется междисциплинарный поиск решений по налаживанию и укреплению диалога между различными сообществами и традициями в качестве цивилизованной основы для их партнерства и совместных ответов на глобальные вызовы. Помещение проблематики диалога в центр научно-общественной дискуссии и рассмотрение под этим углом зрения актуальных вопросов современного развития неслучайно. Диалог — одна из связующих нитей всей человеческой культуры и одновременно ее функция. Действие культурного фактора проявляется в формировании определенного типа и качества социальной коммуникации в соответствии с осознанными идеалами и потребностями духовной и материальной жизни. Но диалог — не только инструментальное средство, но и важнейшая ценность совместного жительства людей, путь к достижению гражданского мира и согласия.

В современных условиях обострения геополитических, этноконфессиональных и иных социальных противоречий ценностное значение диалога подвергается серьезным испытаниям. Возникает искушение «простых решений», ассоциируемых с концентрацией силы, мобилизующего и социально-интегрирующего эффекта, оперативным реагированием на ситуацию и политико-экономической целесообразностью. Но дихотомия «диалог–эффективность» носит ложный характер. Прагматическое следование директивно-силовой парадигме, вселяя веру в устойчивость организующей системы, может оборачиваться виртуализацией управления, слабо сопрягаемого обратной связью с изменяющейся средой.

Обеспечение согласия по вопросам развития подразумевает основанное на взаимоуважении и доверии, свободе прямого и открытого высказывания выявление предпочтений и расхождений во мнениях, конструктивный переговорный процесс, ориентированный на готовность к взаимным уступкам и компромиссам. Эффективность решения, определяемая в социально-гуманитарном измерении, во многом зависит от справедливого и равного учета интересов тех, кого оно затрагивает, и от качества дискуссии, касающейся направлений и мер реализации политики. Это соответствует фундаментальной идее человеческого достоинства, из которой следует, что никто не может

ставиться лишь в положение объекта внешней деятельности, — требования, одинаково значимого для индивидуальных и коллективных, в том числе национально-государственных, субъектов.

Рефлекторным отражением этого императива в системе международных отношений выступают взаимосвязанные принципы самоопределения народов и суверенного равенства государств. Ими продиктовано то, что каждый самоопределившийся в суверенно-государственной форме народ обладает равной правосубъектностью, включая как самостоятельное и независимое обустройство своего публичного порядка, так и участие в решении глобальных вопросов через международное общение. Если же воля входящего в государственно-организованный народ национального сообщества не только не находит выражения во власти правительства (как того требует ч. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека), но и отвергается и подавляется им (с применением или под угрозой применения силы), то такое сообщество не может быть лишено возможности всеми доступными правовыми средствами добиваться защиты своих интересов, искать пути самостоятельного определения своей судьбы — вовне или на вновь сформированной нормативно-правовой основе внутри этого государства.

Идеи гегемонии, доминирования, исключительности и им подобные, порой прилагаемые к отдельным субъектам публичного (международного) процесса, сегодня открыто претендуют на выход за рамки чего-то маргинального. Но это реакционный и деструктивный подход. Само международное право как процедурная форма и консолидированный итог межнационального диалога проверяется на прочность распространением практики произвольно-силовых решений, включая различные формы информационной и экономической агрессии. Противовесом здесь может служить последовательная демократизация международного общения, включая структуры ООН, на основе приверженности базовым принципам международного права². Очевидно, требуется более широкое и предметное обсуждение этих вопросов в свете практической аксиологии.

Утверждение и воспроизводство диалога отражают присущее человеку соотношение лично-духовной автономии и объективно-общественной обусловленности, определяемое признанием самопринадлежности человека и его включением в социальную коммуникацию как равно притязающего на духовно достойную жизнь. Единичное человеческое существо, полагал И. А. Ильин, есть единственная возможность одухотворенной жизни. Но лишь общение и общежи-

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 140 научных работ, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации», «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

² Определенные предложения, направленные на обеспечение реального равноправия всех членов мирового сообщества и выведение процесса принятия решений из-за «закрытых дверей», высказываются на высоком уровне. См., например, опубликованную в начале февраля 2015 года совместную статью руководителей независимой международной организации «Старейшины» — бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана и экс-премьера Норвегии Гру Харлема Брундтланда «Четыре идеи для сохранения мира» (<http://www.kommersant.ru/doc/2663618>).

тие дают ей необходимую полноту. Именно с достойной, внутренне самостоятельной и внешне свободной, жизнью всего множества сообщающихся между собой индивидуальных духов он связывал ценность, лежащую в основании естественного права. Историческое развертывание диалогового начала в общественных институтах, характеризующее прогресс идеи права, предполагает расширение и усложнение форм индивидуального творчески конструктивного самовыражения и публичной дискуссии и вместе с тем — развитие форм взаимности, коллективности, совместности, базирующихся на самоуправлении, инициативной солидарности, признании и уважении «другого» как равного себе, согласовании мнений, терпимости.

Диалог как таковой имеет онтологический и экзистенциальный характер. Быть, считал М. М. Бахтин, — «значит общаться диалогически». У английского писателя Дж. Фаулза та же мысль раскрывается в определении бытия через соединение и установление функциональной зависимости: «Чем выше уровень бытия, тем теснее соединение». Разъединение же, напротив, приводит к разрушению бытия и разрывам социальной ткани. Одичание, по мысли Х. Ортеги-и-Гассета, — это «процесс разобщения». Отказ от диалога и фетишизация упрощенно монологических форм, что, в частности, в равной мере свойственно как анархическим, так и тоталитарным (ортодоксальным) системам (притом что в первых каждый как бы «говорит свое о себе с собой», а во вторых «все говорят одинаково об одном и том же»), есть в конечном счете отказ от культуры в пользу архаики. Но и попытки отнести к диалоговым по существу любые социальные связи, включая и те, что вытекают из состояний агрессивной вражды, в том числе войну, не кажутся основательными. Диалог как важнейшая содержательная характеристика культуры мира, несводимого к отсутствию конфликтов, а подразумевающего позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс в духе взаимопонимания и сотрудничества, получил широкое обоснование во многих документах ООН.

Институционализация всеобщего диалога — важнейшая функция права, диалогичного по своей сути, как и социальность, частью которой она является. На это и принципиальную важность формирования диалогической онтологии права уже обращалось внимание, в том числе на Лихачевских чтениях¹. Актуальность такой постановки вопроса все возрастает в современных условиях — с характерным фундаментальным недостатком доверия, крушением доктрины мультикультурализма, парадоксальным сочетанием атомизации общества и распространением, по сути, авторитарной и бессубъектной массовой культуры, углубляющимся кризисом традиционных институтов социализации (в том числе семьи, школы, церкви), обострением дефицита демократии и вместе с тем бюрократического кризиса государственности. К этому можно добавить многое, включая и то, что распространение социальных сетей, внешне благоприятствующее контактам, связано

¹ Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию культурно-антропологической онтологии права // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 505–507.

с деперсонализацией общения и трудностями быть услышанным, расширением не социально ориентированного информационного обмена.

Понимание диалогичности права связано с его межперсональным, интерактивным и консенсуальным характером, развивающимся в определенном социокультурном и историческом контексте. Право как такое не тождественно формально определенным общеобязательным велениям суверенной власти, а является функцией ассоциативно-диалогового взаимодействия свободных субъектов, вступающих во взаимоотношения между собой как равные с применением единого масштаба оценки на основе эквивалентности. Гетерономия в праве основана на автономии его субъектов. Суверенная государственность по мере развития приобретает характер институциональной формы выражения, обеспечения и поддержания такого взаимодействия, что находит свое отражение в историческом становлении режима конституционализма, благодаря которому, в частности, процесс государственно-нормативного регулирования легитимизируется как общее дело. Сама конституция выступает не только формализованным договором об общественно-государственном устройстве, но и фундаментальной предпосылкой и институционно-процедурной основой постоянно длящегося процесса общенационального согласования социальных позиций, характеризующих перспективы взаимосвязанного развития личности, общества, государства.

В этом плане важно иметь в виду, что правовой диалог как таковой несводим к отстаиванию противостоящих правовых позиций с целью достижения истины при решении правовых споров². Это иная по своему характеру фундаментальная юридическая категория. В ней отражается все многообразие различных аспектов обеспечения и поддержания взаимного общественного доверия и согласия на основе выражения, выявления, учета и гармонизированного соотношения мнений и интересов людей, их коллективов. Происходящие сегодня в разных странах процессы вызревания и утверждения так называемой дискурсивной правовой демократии, включая усложнение и дифференциацию форм публичного представительства, в том числе становление институтов «открытого правительства» и квалифицированного (профессионально-дискурсивного) представительства, реализуемого судом в рамках его расширяющихся нормоконтрольных полномочий, подчеркивают роль, которую мирный конструктивный диалог гражданского общества и публичной власти должен играть в условиях конституционного процесса.

Субъекты правового общения вписаны в многомерную систему социальной регуляции, где наряду с собственно правовой действуют иные типы нормативности, влияющие на реализацию и формирование права, пределы его действия. Признание культурной и нравственной обусловленности права не означает его сведения лишь к определенной оболочке, наполняемой

² См., например: Солодухина А. О., Солодухин О. А. Юридический диалог. Теория и практика, круг проблем. М., 1998; Попов В. И. Спор, дискуссия, полемика, юридический диалог // Проблемы права. 2007. № 1.

нормативным содержанием из иных регулятивных источников. Однако сущностные характеристики права, образуемые свободой, равенством, справедливостью, могут приобретать различные конкретизированные формы выражения в зависимости от внеправовых условий. При этом право как высший социально-нормативный регулятор определяет в рамках публичного порядка положение и согласование иных нормативных источников, что существенно с точки зрения целей диалоговой коммуникации. Избыточная юридикализация общественных отношений и заурегулированность сужают дискреционное пространство, придавая поведению их участников формально-механистический характер, могут препятствовать достижению и сохранению реального согласия применительно к вопросам, в решении которых люди в данной среде традиционно и небезуспешно полагаются на иные (неформализованные) принципы, не считая их перевод в юридическую (государственно опосредованную) плоскость необходимым или приемлемым.

Вместе с тем правовое регулирование, определяющее основания и пределы общественного диалога, недопустимо увязывать с установлением для него каких-либо мировоззренческих и идеологических рамок, включая религиозные критерии и условия. Осуществляемые на недискриминационной основе свободное выражение и отстаивание индивидуальных предпочтений, касающихся образа и обустройства жизни, относятся к сущностным, исходным моментам самоопределения и самореализации каждого человека. Не существует юридических оправданий тому, чтобы стеснять свободу слова и распространения информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с традиционными взглядами и мнениями, противоречат морально-нравственным и (или) религиозным предпочтениям. Но право, призванное выразить равную меру свобо-

ды, не может становиться опорой языку вражды или непристойным, оскорбительным формам подачи информации, включая высказывания по имеющим деликатный характер социальным и религиозным проблемам, облеченные, например, в печатное слово, рисунок или театрализованное представление, которые, не имея подлинной художественной ценности, причиняют страдания и унижают достоинство тех или иных групп граждан. При этом формы государственного реагирования на такие проявления противоправной, злоупотребляющей правом деятельности должны быть пропорциональными и соотноситься, в частности, с реальным уровнем общественной опасности конкретных действий, степенью их распространения, возможностями защиты прав и законных интересов граждан вне связи с государственным принуждением.

В российском социокультурном контексте философия диалога нередко во многом искусственно преподносится в столкновении и противоречии с национальными религиозно-политическими традициями, такими как соборность и симфонизм властей. Однако необходимо понимать, что их глубинной ценностной основой является не единомыслие и единогласие, а единство во множестве, созвучие различий. Пронизывающая Послание Президента РФ Федеральному собранию 2014 года идея о том, что зрелая, сплоченная нация и суверенное сильное государство должны опираться на возможности граждан раскрыть себя, на их свободу для развития и инициативы, что в основе отношений бизнеса и государства должны лежать партнерство и равноправный диалог, призвана подтвердить неизменность ориентиров магистрального направления развития России. Сегодня как никогда важно, чтобы связанная с этим философия диалога и общего дела была в полной мере востребована практикой как важнейший фактор поддержания общенационального согласия и преодоления стоящих перед страной вызовов.